

МИХАИЛ
КРИКУНЕНКО

ПЛАНЕТА

РАЙАД

МИНУТА
НЕНАВИСТИ
ИЛИ 60 СЕКУНД
СЧАСТЬЯ

МИХАИЛ
КРИКУНЕНКО

ПЛАНЕТА

РАЙАД

МИНУТА
НЕНАВИСТИ
ИЛИ 60 СЕКУНД
СЧАСТЬЯ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К82

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Художественное оформление *Екатерины Фerez*

Фото автора на четвертой странице — *Игорь Казаченко*

Крикуненко, Михаил Николаевич.
К82 Планета Райад. Минута ненависти или 60 секунд счастья : [роман] / Михаил Крикуненко. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 416 с.

ISBN 978-5-17-093597-0

Начало 2000-х. В самом разгаре вторая чеченская война. Циничный телерепортер-«стервятник» отправляется в очередную командировку в Чечню, не зная, что эта поездка навсегда изменит его жизнь. Случайная встреча там, на войне, заставит журналиста отказаться от своего главного профессионального правила — не пропускать через себя чужую боль. А ответы на вопросы — «Кто мы и откуда?», «Зачем живем и для чего умираем?», «Почему бываем жестоки?» — предстанут перед ним с самой неожиданной стороны.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-093597-0

© Крикуненко М.Н.
© ООО «Издательство АСТ», 2016

Если бы у нашей планеты не было имени, ее следовало бы назвать Райад. Потому что Рай и Ад существуют в нашем мире. Попав в земной Ад, мы отправляемся на поиски Рая...

В этой истории вымышленные события и персонажи настолько тесно переплелись с реальными, что я и сам уже не могу отличить одни от других.

Основано на реальных событиях. Все совпадения считать случайными.

автор

Пролог

Горячий ветер вдохнул белый тюль в комнату, лениво поиграл с ним и исчез. Лопасти вентилятора с трудом разрезают густой, как кисель, воздух и отправляют его с потолка вниз, к моей кровати. Время не спеша течет мимо вентиляторным потоком и, рикошета от пола, уходит в открытое окно. Его приятно трогать рукой, ощущая теплую, неторопливую вязкость бытия.

За окном, в котором безвозвратно исчезает мое время, орут чайки и шумит прибой, не имеющий ни начала, ни конца, как сама Вечность. Пытаюсь представить *вечность*, *бесконечность* и *космос*, в масштабах которых мучающий меня сушняк после вчерашнего злоупотребления виски на карнавале в Панаджи кажется ничтожным пустяком.

Я перестал ловить рукой время и пошарил по столу в надежде найти стакан с какой-нибудь жидкостью, но наткнулся на мобильник, который сразу же зазвонил.

— Алло, Майкл? — услышал я в трубке голос исполнительного продюсера телеканала Василия Петрова. Он всегда называет меня Майклом на американский манер. Сказывается стажировка в Штатах. — Что делаешь?

— Пью охлажденный порто и ем мясо акулы, — с трудом ворочая языком, огрызнулся я и, сглотнув

слюну, покосился на пустую бутылку из-под минералки.

— Ну и сволочь, — беззлобно ответил Василий. — Ладно, дело есть. Доедай свою акулу, заканчивай с Робинзонадой и возвращайся на родину — нам в Чечню некого отправлять.

— Я же только в прошлом месяце там три недели торчал, — на всякий случай открываю дверцу холодильника, хотя точно знаю, что воды там нет.

— Зато на халяву в Индию слетал. В Москве минус двадцать пять, между прочим. В Грозном группе надо менять через неделю. И не забудь привезти мне бутылку какого-нибудь местного пойла в коллекцию.

Спорить с Петровым бесполезно. Особенно в депрессивном состоянии похмелья, когда тайны мироздания больше всего не дают покоя.

Зовут меня Михаил Корняков. Мне 33. Возраст Христа. Я — специальный корреспондент одного из федеральных телеканалов России. Если бы я подавал объявление в рубрику «Он ищет ее», там бы значилось: «Стройный, спортивного телосложения, рост 182 см, вес 78 кг, глаза серо-голубые, волосы темные». В общем, вполне привлекательный мужчина, в меру упитанный и в полном расцвете сил. Таких, как говорила Фрекен Бок, на телевидении хватает и без меня. Как и у большинства репортеров, работа занимает практически все моё время. Я делаю репортажи для «Новостей», снимаю авторские документальные фильмы и в перерывах между командировками встречаюсь с Настей, молодой женой одного известного банкира. Последнее обстоятельство характеризует меня не только как человека

непорядочного, но и крайне легкомысленного, ибо только камикадзе, которому наплевать на собственную жизнь, может наставлять рога столь могущественному человеку. Работа, еда, сон и иногда Настя. Это то, из чего состоит моя нынешняя жизнь.

...Выхожу из бунгало и уныло плетусь в сторону океана. На самом деле это Аравийское море, являющееся частью Индийского океана. Но всем нравится называть его так за силу, сбивающую с ног, и за дыхание — мощное, как у титана. Но если серьезно, просто «океан» звучит круче, чем «море».

Дешевые забегаловки Мирамара, что в северной части Гоа, неровной линией расположились на набережной, повторяя изгибы берега. Белозубые индусы предлагают искусно приготовленные ими дары моря. Яростное декабрьское солнце плющит о раскаленный белый песок. «До Нового года меньше месяца, а здесь в тени градусов тридцать пять», — плещется в мутном сознании вялая мысль. Ядовитым ультрафиолетом солнце будто норовит выжечь на моей макушке слово или даже целую фразу из трактата какого-нибудь индийского мыслителя. Что-нибудь о вреде пьянства.

На жаре от похмелья совсем худо. Я несу собственную голову как драгоценный сосуд, наполненный чем-то очень важным, боясь расплескать содержимое. С большим трудом доставляю ее вместе с остальными частями тела к ближайшему открытому ресторанчику и с удовольствием располагаюсь в тени. Я знаю это заведение и его хозяина, старого хромого индуса. Он называет себя Максом, чтобы иностранцы не мучились, выговаривая его настоя-

шее индийское имя, для воспроизведения которого нужно уметь произносить сложные гортанные звуки. Ресторанчик Макса пользуется хорошей репутацией. Ему можно доверить свой желудочно-кишечный тракт. Еще никто, пообедав у Макса, не заболел дизентерией, желтухой, брюшным тифом или еще какой-нибудь диковинной болезнью, проживающей в любой экзотической стране, где санитарные нормы и личная гигиена для местных — не самоцель. Макс — бывший рыбак. Это единственная профессия, доступная здесь мужчинам. Нищие рыбацкие деревни, словно ракушки, облепили берег океана. Когда акула покалечила Максую ногу, он перестал выходить в море и с помощью брата жены, владельца продуктового магазина в Панаджи, открыл свое дело. Теперь он покупает рыбу у друзей-рыбаков и готовит ее для туристов в своем ресторане.

Жадно осушив два стакана воды со льдом, я покосился на изуродованную акулой ногу Макса и пришел к мысли, что все в этом мире кого-то едят. Термиты, например, жрут деревья, а муравьи — термитов. Природа даже оснастила муравьедов длинными узкими мордами и такими же длинными, проворными пальцами с крепкими когтями, чтобы им было удобнее добираться до своих жертв. В свою очередь, на муравьедов охотятся индейцы. Им нравится их мясо, по вкусу напоминающее гусятину. Но чаще всего люди охотятся друг на друга. И так в природе до бесконечности. Словно участие в смертельном круговороте — единственная возможность выжить самому. И никому не известно, кто на чьем столе окажется завтра. Даже самого грозного хищника может съесть безобидное мле-

копитающее из отряда приматов вроде меня. И без особой на то нужды.

Чтобы отомстить за индуса Макса, я заказал акулье мясо, а назвал продюсеру Петрову — прекрасный гоанский порто.

* * *

— Я устал жить в постоянном страхе, — говорит Ларри, тучный бухгалтер из Нью-Йорка. — Я боялся всего: потери работы, атак террористов, измены жены, повышения налогов.

Бывшие бизнесмены, ученые. У каждого из них была своя причина, чтобы сменить городскую одежду на набедренную повязку. Они сбежали из каменных джунглей мегаполисов в джунгли натуральные, надеясь обрести *рай на земле*. Уже почти две недели мы с моим товарищем оператором Пашкой Гусевым, или Гусем, как его зовут в редакции, снимаем в Индии документальный фильм об этих чудаках. Наш фильм так и называется — «В поискахрая». Новые робинзоны устали от постоянной гонки на выживание в *большом мире*, от погони за деньгами, от борьбы за достойное место в обществе. Они сошли с дистанции. Палатки небольшой общины разноцветными грибами проросли среди камней и песка на берегу океана. На деревянном флагштоке развевается голубое полотнище с пацифистским символом, известным как крест мира.

— В Большом мире люди постоянно сравнивают себя друг с другом, пытаясь придерживаться эталонов, которые навязало им общество, — продолжил Ларри. — А что такое общественный эталон? Это миф, созданный бездушными потребителями! —

при этих словах толстяк обвел взглядом соплеменников, призывая поддержать его. Те одобрительно закивали. — Я боялся даже смотреть на себя обнаженного в зеркале, — сказал Ларри, — потому что общество заявило, что быть полным и иметь маленький пенис — это стыдно!

— Но, приехав сюда, вы лишились всего, что так боялись потерять, — язвительно сказал я. — Семьи, работы, социального статуса. Правда, заодно вы избавились от нескольких лишних килограммов, но это незначительный бонус. Вы без боя сдали свой рабочий кабинет в небоскребе на сорок втором этаже в центре Манхэттена, бросили жену с двумя детьми и преданную таксу, которая каждое утро приносила вам тапки, облизывала ноги и любила вас больше всех на свете!

Это был запрещенный прием. При упоминании о таксе в глазах бухгалтера появились слезы. То, что надо! Я почесал мочку уха — условный знак Гусеву, чтобы снимал крупный план — глаза, наполненные слезами.

— Вы полагаете, я эгоист, неудачник, трус, испугавшийся трудностей? — к слезам Ларри о брошенной им таксе добавились слезы обиды, и я почесал мочку уха еще раз. Чтобы добить толстяка окончательно, собираюсь затронуть тему его маленького пениса, но меня перебивает женщина, кормящая грудью грязного младенца:

— Лично я не хочу, чтобы мои дети росли в мире, где правят деньги, власть, конкуренция и царит постоянная депрессия.

— Но без конкуренции не было бы прогресса, — не унимаюсь я.

— Конкуренция делает нас похожими на животных. Люди готовы идти по костям, лишь бы ока-

заться как можно выше на этой чертовой лестнице успеха. Те, кому удается подняться, презирают тех, кто стоит хотя бы на ступеньку ниже, — ответила женщина и швырнула камень в черного скорпиона, который полз в ее направлении.

— Но самой природой нам завещано конкурировать. Посмотрите вокруг — вы на пляже, за которым непроходимый дикий лес. Где, как не здесь, нужно обладать сноровкой и ловкостью, чтобы не стать чьим-то завтраком? — И я привел пример с термитами и муравьями из своих утренних похмельных размышлений.

— Человеку дан разум, чтобы отличаться от животных и насекомых. Но интеллект не сделал людей добрее. Они также алчны и жестоки, как тысячелетия назад, хоть и живут в мегаполисах со всеми удобствами. Мы вернулись в пещеры, чтобы все изменить. Для начала в самих себе. А потом и в мире.

Мне не удалось скрыть усмешку, но женщина не обиделась:

— Я понимаю, вы считаете нас сумасшедшими. Но для нас Большой мир — то еще сумасшествие. Вот вы работаете на телевидении, которое тиражирует зло и насилие. В погоне за рейтингами вы в первую очередь показываете катастрофы, войны и смерть (тут я вспомнил об утреннем звонке продюсера Петрова и предстоящей командировке в Чечню), спекулируя на самых низменных человеческих качествах. Вы пропагандируете силу денег и власти одних людей над другими, забывая о духовности. Героями ваших репортажей и передач становятся те, кто взобрался на очередную ступеньку этой чертовой лестницы, кто успешен, по мнению большинства.

— Да, но в данный момент мы снимаем документальный фильм о вас. И это тоже телевидение! — Я сделал вид, что обиделся.

— Бросьте, мы для вас как экзотические животные в зоопарке, чудаки, которые бросили всё и живут в пещерах и шалашах. И чего нам, дуракам, не хватало?

Это было правдой. Я убрал с лица обиду, а англичанка снова принялась тыкать грудь в лицо своему детёнышу.

— Большой мир — это мир дьявола, это *ад*, в котором мучаемся мы, грешники, — поддержал кормящую ее муж, бывший программист из Лондона. — Все думают, что грешники попадают в ад после смерти. На самом деле *ад* — это наша планета. Люди искупают здесь свои грехи. Только не все об этом догадываются и грешат еще больше. Мы же хотим создать духовный оазис, маленький островок покоя и счастья посреди этого ада. Земля — это космическая тюрьма для душ неких сущностей из лучшего мира. Это обитаемый остров, где каждый день приходится выживать и где до ближайшей возможной цивилизации тысячи световых лет. В любом случае даже подходящей «шлюпки» у землян нет, чтобы попытаться сбежать отсюда. Это ли не наказание? Мы живем в космическом Алькатрасе, закованные, как в кандалы, в оболочки из плоти и крови. Выход из этой тюрьмы только один — смерть. Но чтобы лишить нас этого соблазна, нашу память о прежнем мире стерли. И не только из трусости мы цепляемся за эту жизнь. Добровольно ушедших с Земли постигнет еще более страшная кара. Чтобы нас простили *там*, — мужчина поднял палец к небу, — нам надо очень постараться *здесь*.

— Оригинальная трактовка Библии, — сказал я. — Вы верите, что в каком-то уголке этого космического Алькатраса можно обрести Рай? Это все равно, что попытаться отгородиться ширмой от сокамерников и попросить их не беспокоить вас.

— Большой мир уже не властен над нами. Да, мы верим в то, что такие райские островки можно создавать на планете. Когда люди увидят это, они начнут меняться, — ответил сумасшедший программист, одетый лишь в клетчатый саронг — длинную набедренную повязку, одновременно заменяющую индийским мужчинам трусы и брюки. — Человечество запуталось в сетях своих пороков. Еще немного — и люди истребят сами себя, — добавил он, и я снова вспомнил о своих размышлениях про термитов и акул, отметив, что даже таким разным людям, как мы с этим чудачком в саронге, в голову могут приходиться одни и те же мысли. «Наверняка, — подумал я, — об агрессивной человеческой сущности иногда задумываются даже киллеры».

...Вечернее солнце заливает розовой пастелью океан и теплый белый песок, в который приятно зарывать ноги по щиколотку. Наблюдая за тем, как песок из белого превращается в розовый, за редкими розовыми облаками, за розовыми коровами, забредшими на пляж, я теряю ощущение реальности. Коров в Индии нельзя ни доить, ни есть. Для индусов коровы священны. Ощущая свою невостребованность, коровы слоняются всюду без дела, сбиваясь в стада, наподобие стай бродячих собак. Низкорослые и тощие, они находятся в постоянном поиске пищи.